

* * *

*Там вечер начинался с рокота грозы,
и мальчик уходил в косую воду —
через репей — за вспышкой стрекозы.
Она не проявлялась сходу,*

*а он достраивал ансамблем в голове
такие перекрестные детали,
что из одной сходились сразу две,
но на глаза не попадали.*

*Росли пунктирами у ясного пруда
/где небо фиолетовым бродило/
кустарники. Но память так тверда,
что стало яблоком кадило:*

*на вкус оно пожар /и ни к чему теперь/.
За гаражом ослеп пустырь в миноре,
и стрекоза — горит сухой репей —
вмерзает в зрение глазное.*

АМУЛЕТ

На сломе ветреного дня
/его едва пережимая/
он был за сеточкой дождя,
в неясных числах мая.
Назад к оптической петле,
какой простор в сетчатке глаза!

А одуванчик — амулет —
был ниткой солнца назван.
Найду кассету VHS,
поставлю видео вторично,
где дед, курмыш, весенний лес.
Но в кадре герметичном

иное видится кино:
все звезды кажутся глазами,
и запах яблони земной
едва ли осязаем.
Прости, пожалуйста, меня
за горстку слов, неровный почерк,

за то, что жизни не обнять,
а время — станет почвой,
когда закончится сезон
/а в общем нитку эту — на-ка/.
Дорогу вымостим слезой
инога океана.

ПОЧТИ МЕРЦАНИЕ (1998)

Слезой иного океана
пришла Господняя слеза —
и одуванчиковый ангел
сырую соль с губы слизал.
Не упадет на донце глаза
свод занимательных вещей,

всю темноту ввернули сразу
/такой и не было вообще/.
Приехал, снова потерялся
среди гранита и цветов:
ни дыма нет, ни ассонанса,
ни музыки. Нет ничего,

что мне едва напоминало
о многом, дальнем, дорогом.
«Из этих туч свари какао», —
просила Лену. Угольком,
когда жила в соседнем доме
/почти мерцание вблизи/,

чертила: девять, девять, восемь.
У Кочубея ржавый ЗИЛ
стоял напротив, близ барака
/потом словечки о любви/.
Ты умирала в Кулебаках.
И одуванчики цвели.

* * *

Стоит на площади Илья,
и Фирсов просит: *«Дай мне пива»*.
Бродяге небо что земля.
— *Все остальное поправимо.*

Таким он, верно, был всегда
/вот за откос сползает вечер/.
— *А человеку жизнь дана,*
а жизнь возносит ради встречи.

Оставлен про запас «Токай»,
маршрут побега не построен.
Уже ни Волга, ни Ока,
ни эта рюкзак с алкоголем

не выправят дымок в глазах:
геолокация пространства.
— *Хочу на облачный вокзал,* —
он говорил. И оставался.

РЕДКИЙ ЦВЕТОК

I

«*Что делать мне?*» — твердит Губанов.
«*Писать стихи*», — итожит Бог.
В стране гвоздик, а не тюльпанов
на русской водке вырос СМОГ.

Где сквозь сентябрь летят вороны,
там листья вскоре опадут:
ни Верхейл Кейс, ни Омри Ронен
не сдвинут время на YouTube.

<...> он за столом. Бормочет имя,
глядит на черный телефон,
а позже в осень — голубыми.
И дальше осень без него.

Осталась истина простая:
уходит жизнь в цветной ломбард.
Табачный дым едва вдыхая,
«*В чем был и не был виноват*», —

он произносит. Сам отходит
и рысью пятится назад.
<...> сгорает мысль на обороте.
Лишь путеводная слеза,

вобрав в себя всю память тела,
под водолазку протекла.
<...> я вижу так: пчела гудела
над ним. И ласточка была.

II

Над Северным Хованским
плывет гурьба ворон.
Под ним в тоске кабацкой
сквозь толщу похорон,

не шевеля губами
/на исповедь костей/,
лежит принявший камень,
преодолевший смерть.

Снежок новомосковский
сжигает здесь траву,
но Юрий Кублановский
мне отдал свой тулуп,

в котором переправы
зеркал осенних рек
на сердце гвоздик ржавый
приносят в октябре.

Воздушная невеста
спешит попасть в метро,
а для меня нет места:
лишь дождь, как серебро,

судьбу кропит. Проходим
не важен серый свет.
Едва ли снова сможем
его пересмотреть.